

НОРМЫ МОРАЛИ В СИСТЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ

Касимов Д. Р.

Удмуртский государственный университет

г. Ижевск, Российская Федерация

E-mail: dam.kasimov@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается функциональная роль морально-нравственных норм в процессе толкования уголовно-правовых оценочных понятий. Указывается, что морально-нравственные (в том числе коррелирующие им этические и эстетические) нормы и ценности, будучи неотъемлемой частью правовой действительности, являются, с одной стороны, внеправовым основанием интерпретационной оценки, содержащим и одновременно обосновывающим характер и, в особенности, степень фактически выраженного состояния означаемого оценочным понятием объекта (предмета, явления, обстоятельств и т. п.), а с другой — объективно существующим верификатором результатов интерпретации (правоприменения) такого понятия. Помимо этого, акцентируется внимание на морально-аксиологической разновидности оценочных понятий, для которых конкретизируется характер познания их содержательно-аксиологической стороны, в результате чего выделяются виды интерпретационного сравнения: морально-содержательное соответствие и деривация. Делается вывод о том, что присутствие морально-нравственного компонента в уголовном законе является сущностно необходимым и функционально оправданным, в особенности для морально-аксиологических оценочных понятий, интерпретация которых попросту невозможна без данного смыслоориентирующего компонента.

Ключевые слова: оценочные понятия, толкование оценочных понятий, морально-нравственные категории, моральные убеждения, субъективность интерпретатора, морально-правовая когерентность.

Для цитирования: Касимов, Д. Р. Нормы морали в системе интерпретации уголовно-правовых оценочных понятий / Д. Р. Касимов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2021. — № 2 (29). — С. 81–86.

NORMS OF MORALITY IN THE SYSTEM OF INTERPRETATION OF CRIMINAL LAW EVALUATIVE CONCEPTS

D. R. Kasimov

Udmurt State University

Izhevsk, Russian Federation

E-mail: dam.kasimov@yandex.ru.

Abstract. The article considers the functional role of moral norms in the process of interpretation of criminal law evaluative concepts. It is indicated that moral and ethical (including ethic and aesthetic correlating to them) norms and values, being an integral part of legal reality, are, on the one hand, an extra-legal basis for interpretive assessment, containing and simultaneously substantiating the nature and, in particular, the degree of actually expressed the state of the object (object, phenomenon, circumstance, etc.) signified by the evaluative concept, and on the other, by an objectively existing verifier of the results of interpretation (law enforcement) of such a concept. In addition, attention is focused on the moral-axiological variety of evaluative concepts, for which the nature of cognition of their content-axiological side is concretized, as a result of which the types of interpretive comparison are distinguished: moral-content correspondence and derivation. It is concluded that the presence of a moral and ethical component in criminal law is essentially necessary and functionally justified, especially for moral and axiological evaluative concepts, the interpretation of which is simply impossible without this sense-orienting component.

Keywords: evaluative concepts, interpretation of evaluative concepts, moral and ethical categories, moral convictions, interpreter subjectivity, moral and legal coherence.

For citation: Kasimov D. R. Norms of Morality in the System of Interpretation of Criminal Law Evaluative Concepts. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice], 2021, no. 2 (29), pp. 81–86. (In Russ.)

Введение

Интерпретация оценочных понятий представляет из себя многогранный познавательный процесс, опирающийся на различные аспекты государственно-правового и человеческого бытия, окружающей действительности. Поэтому интерпретационно-правовое познание опирается не только на правовой фундамент, но и на внешние условия содержательно-функционального существования оценочного понятия в системе действующих аксиолого-прагматических стандартов, среди которых можно выделить, в частности, нормы морали и нравственности (в том числе коррелирующие им этические и эстетические нормы).

Методы

Методологическую основу исследования составили системный анализ, синтез, обобщение, индуктивный и дедуктивный методы, метод контент-анализа.

Описание исследования

Необходимо заметить, что в уголовно-правовой сфере, призванной урегулировать наиболее важные с точки зрения человеческого общежития общественные отношения, нормы морали занимают особое место, поскольку интерпретация и применение положений Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ) неразрывно связаны с морально-аксиологическими аспектами (к тому же именно «...мораль устанавливает нравственные границы в законе...» [1, с. 14], причём независимо от его отраслевой принадлежности), что обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, совершённое лицом преступление в определённой степени нарушает нормы морали и (или) нравственности, иначе оно бы не обладало социально негативным характером, равно как и регулируемое уголовным законом постпреступное поведение лица всегда коррелирует к такого рода нормам, а иногда также способно нарушить их. Это связано с тем, что правовые понятия и категории должно и дозволенного так или иначе базируются на морально-нравственных категориях.

Во-вторых, надлежащее восприятие «буквы и духа» уголовного закона, равно как и его применение, невозможны без учёта морально-аксиологического компонента, о чём свидетельствуют, в частности, принципы справедливости (ст. 6 УК РФ) и гуманизма (ст. 7 УК РФ), равенства граждан и иных лиц перед законом (ст. 4 УК РФ), а также применительно к морально-аксиологическим оценочным понятиям (например, «справедливое наказание» (части 1 статей 6 и 60 УК РФ), «развратные действия» (ч. 1 ст. 135 УК РФ) и т. п.) об этом индицирует как основание их интерпретационной оценки (морально-нравственные (в том числе этические и эстетические) стандарты, идеалы и др.), так и сущность названных понятий. Указывая как на взаимодействие права и морали, так и на их системную самостоятельность (суверенность), С. С. Алексеев справедливо отмечает, что «...право по своей органике... явление глубоко морального порядка и его функционирование оказывается невозможным без прямого включения в ткань права моральных критериев и оценок» [2, с. 64]. Более того, мораль, как указывает О. И. Цыбулевская, является необходимым подспорьем, предопределяющим «...появление, осуществление и изменение норм права» [3, с. 127].

Вместе с тем оценочные понятия, обладая в определённой мере законодательно-содержательной вариативностью, не имеют точных и закреплённых в уголовном законе условий своей (а значит и правовой нормы) семантической применимости к конкретным ситуациям. Именно поэтому им свойственно в известной степени зависеть от внеправовых источников содержательно-аксиологической информации.

Следует указать, что морально-аксиологические основания оценки проявляются в двух наиболее общих формах: общепринятые морально-нравственные (в том числе коррелирующие им этические и эстетические) нормы и принципы, а также выстраиваемые на их основе моральные убеждения (взгляды) интерпретатора. Между тем важно обратить внимание на то, что данные формы оснований оценки не являются содержательно и структурно инвариантными (неизменными), потому как моральные, нравственные, этические, эстетические нормы и принципы изменяются с развитием институтов общества и государства. Ведь именно поэтому, в частности,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

нормам морали, как и оценочным понятиям, также «...в значительной степени *свойственны неопределенность и расплывчатость...*» [4, с. 51].

Говоря об общепринятых морально-нравственных, этических и эстетических нормах и принципах (стандартах), надлежит указать, что именно они являются как объективно выраженной основой моральных убеждений интерпретатора, так и внешним по отношению к убеждениям (а значит доступным третьим лицам) верификатором полученных интерпретационных (в том числе правоприменительных) результатов. В дополнение следует подчеркнуть, что неизбежность детерминации (определения) и генерализации (обобщения) содержания правовых категорий через морально-аксиологические категории (причём разного порядка), исторически сформировавшиеся у конкретно взятого общества, очевидна не только вследствие взаимообусловленности права и морали, но из-за наличия в нормах морали незыблемых оценочных оснований, разграничивающих социально позитивное и социально негативное виды поведения людей в таком обществе.

В свою очередь моральные убеждения (взгляды), основываясь на общепринятой системе морально-нравственных ценностей, являются преимущественно субъективной категорией (так как напрямую зависят от субъективности интерпретатора, то есть его личностных и профессионально-квалификационных качеств), определяющей, во-первых, занимаемую интерпретатором мировоззренческую позицию, непосредственно детерминирующую аксиолого-прагматические аспекты интерпретационной деятельности, а во-вторых, степень содержательной индивидуализации (как следствие, и аксиологического понимания) толкуемого оценочного понятия. Надлежит также заметить, что на возникновение тех или иных моральных убеждений оказывают влияние в первую очередь социальное взаимодействие субъекта и общества, объективные условия их сосуществования (социальное бытие), поскольку мораль основывается прежде всего на признанных обществом эталонах должного социально-личностного поведения. Как верно отмечает Р. С. Джинджолия, моральные требования «...являются отображением жизненно-практического и культурно-исторического опыта» [5, с. 278].

Помимо этого, интерпретатор, истолковывая любое оценочное понятие, в той или иной мере прибегает к корреляции (соотношению) умозаключений, касающихся сущности толкуемого понятия и морали, обосновывающей

не только морально-нравственный аспект интерпретационной деятельности (справедливость и гуманность принимаемого решения и т. п.), но и контекстно-смысловой потенциал (возможности) оценочного понятия с позиций морально-нравственных категорий. Именно в такой корреляции проявляется признак морально-правовой когерентности (от лат. «*cohaerens*» — связанный, находящийся в связи), иными словами, признак взаимосвязи морально-нравственных категорий с нормативно-лингвистическим содержанием оценочного понятия (в том числе синтаксическими особенностями, исходящими от уголовно-правовой нормы).

Признак морально-правовой когерентности проявляется прежде всего во взаимообусловленности уголовно-правового контекста, в котором содержится оценочное понятие, и общепринятых морально-нравственных ценностей. От того, насколько детально в уголовно-правовой норме охарактеризован контекст семантико-функционального использования оценочного понятия и от того, насколько однозначно он (контекст) был раскрыт фактическими обстоятельствами, зависит степень влияния морально-нравственной оценки на экспликацию семантики оценочного понятия. Однако степень производности оценочного понятия от моральных, нравственных, эстетических и этических стандартов в большей мере зависит от полноты нормативного раскрытия законодателем понятийных атрибутов (содержания и объёма) оценочного понятия, так как нормативный контекст, будучи одним из способов конкретизации такого понятия, задаёт последнему инвариантные (неизменяемые) параметры его смыслового восприятия в юридическом дискурсе. Вместе с тем перечисленные стандарты и моральные убеждения, формируя в определённой степени аксиолого-прагматическую интенцию (направленность сознания) субъекта-интерпретатора, обладают немаловажным интерпретационным значением, так как позволяют формально задать смысловой вектор толковательной мысли (в части морально-аксиологических аспектов), соотнести между собой морально-нравственные и юридические категории.

Опираясь на совокупность объективно существующих и субъективно господствующих (превалирующих для конкретного лица) норм морали и нравственности, интерпретатор осуществляет экспликацию (опосредованное выражение) нормативно заложенной сущности оценочных понятий применительно к обстоятельствам конкретного деяния. При этом экспликация смысловых значений

любого оценочного понятия уголовного закона через морально-аксиологические основания оценок (этические и эстетические нормы, нормы морали и нравственности, личностные моральные убеждения и т. п.) позволяет (в зависимости от вида и контекстного окружения оценочного понятия): во-первых, при вынесении конкретного правоприменительного решения по уголовному делу соблюсти принципы гуманности, справедливости, равенства граждан и иных лиц перед законом, позволяющими, к примеру, индивидуализировать уголовную ответственность; во-вторых, определить возможную морально-семантическую предельность толкуемого оценочного понятия (то есть его допустимые с точки зрения морали и нравственности содержательные границы), поскольку законодателем они не установлены вследствие различного рода причин.

Помимо всего прочего, наибольший интерес в рамках данной статьи вызывают непосредственные выразители морально-нравственной стороны уголовного закона — морально-аксиологические оценочные понятия. Данные понятия характеризуют как морально-нравственные признаки состава преступления (например, «тяжкое оскорбление» [ч. 1 ст. 107 и ст. 113 УК РФ], «жестокое обращение» [части 1 статей 110 и 356, ст. 156 УК РФ] и т. п.), так и психологические и иные уголовно-правовые обстоятельства (например, «справедливая иная мера уголовно-правового характера» [ч. 1 ст. 6 УК РФ], «безупречное поведение осуждённого после отбытия наказания» [ч. 5 ст. 86 УК РФ] и т. п.). В то же время надлежит заметить, что в подобного рода составах преступления признак общественной опасности детерминируется в том числе и через названные оценочные понятия, которые по своей сущностной природе производны (зависят) от принятой в обществе системы морально-нравственных, эстетических и этических норм и ценностей.

Кроме того, проблема интерпретации морально-аксиологических оценочных понятий, являющихся качественными либо смешанными (количественно-качественными) по характеру неопределённости понятиями, заключается прежде всего в том, что сложно либо вообще невозможно формализовать (превратить в численный диапазон) семантические значения аксиологического компонента таких понятий, то есть значения морально-нравственных (также коррелирующих им этических и эстетических) ценностей. Так, например, невозможно полностью формализовать оценочное понятие «грубое нарушение общественного порядка» (ч. 1 ст. 213 УК РФ),

можно лишь указать, в частности, на темпоральный аспект такого поведения (что, к слову, крайне ограничит сферу действия данной уголовно-правовой нормы), причём как с точки зрения времени суток, в котором может проявляться поведение, нарушающее общественный порядок (например, с 23:00 до 06:00), так и продолжительности проявления названного поведения (например, свыше одного часа). Или же, например, не поддаётся полной формализации и оценочное понятие «особая жестокость» (по смыслу п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), для него (но только для некоторых форм проявления такой жестокости) также можно формализовать отдельные аксиологические аспекты (например, указать на необходимые для правовой квалификации количество ударов, наносимых потерпевшему, и прилагаемую силу, с которой наносятся эти удары). Поэтому семантический диапазон морально-аксиологических оценочных понятий выражается в неформализованном виде, однако численные значения в зависимости от фактических обстоятельств также могут характеризовать соответствующий признак означаемого данным понятием объекта (предмета, явления, процесса и т. п.).

Одновременно с этим важно указать, что в процессе толкования морально-аксиологических оценочных понятий интерпретатор производит сравнение имеющихся в его распоряжении ситуационных фактов с преобладающими в его сознании и обществе морально-нравственными, этическими и (или) эстетическими стандартами (идеалами). Причём основной целью данного сравнения является выявление степени морально-содержательного соответствия или деривации конкретной формы проявления обстоятельств по отношению к их идеализированной в стандартах (идеалах) форме.

Применительно к морально-содержательному соответствию, надлежит указать следующее. Во-первых, такое соответствие характерно в большей мере для оценочных понятий Общей части УК РФ, как правило, характеризующих психологические обстоятельства (например, «справедливая иная мера уголовно-правового характера» [ч. 1 ст. 6 УК РФ], «социальная справедливость» [ч. 2 ст. 43 УК РФ] и т. п.). Однако установление соответствия не исключается и для признаков составов преступлений (например, установление морально-содержательного соответствия оценочного понятия «выполнение общественного долга / общественный долг» [к примеру, в ч. 2 ст. 119 УК РФ] морально-нравственной категории долга). Во-вторых, в нормативно-функциональном плане морально-содержательное соответствие подразумевает

в большинстве случаев индивидуализацию уголовной ответственности через уголовно-правовые принципы (прежде всего справедливости [ст. 6 УК РФ] и гуманизма [ст. 7 УК РФ]), а также через присущий для соответствующего оценочного понятия морально-аксиологический потенциал, номинативно (то есть в назывательном аспекте) обозначенный законодателем в уголовно-правовой норме.

В то же время следует заметить, что для рассматриваемых оценочных понятий, интерпретируемых посредством морально-содержательного соответствия, характер морально-нравственной, этической и (или) эстетической ценности (аксиологической категории) уже обозначен в понятии (норме права) и содержится в соответствующих внеправовых основаниях оценки. Между тем юридически значимая степень таких ценностей не является нормативно установленной характеристикой (поэтому, собственно, обозначенные понятия и являются оценочными); она в обобщённом (но не в правозначимом) виде постулируется и поддерживается обществом в форме определённых требований (правил и норм) и ценностей (взглядов и принципов). Поэтому интерпретатору надлежит лишь с учётом фактических обстоятельств истолковать (конкретизировать) оценочное понятие в нормативно установленных и морально допустимых пределах. Помимо этого, надлежащим (то есть ценностно подлинным) результатом истолкования морально-аксиологических оценочных понятий будет лишь в том случае, когда интерпретатор является частью такого общества, разделяет его аксиологические ориентиры (нормы, стандарты).

Что же касается морально-содержательной деривации, то надлежит обозначить следующие её аспекты. Установление деривационной степени морально-содержательного порядка характерно для оценочных понятий, описывающих признаки составов преступлений (например, «осквернение зданий или иных сооружений» (ч. 1 ст. 214 УК РФ), «садистские методы» (п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ) и т. п.). Помимо этого, аксиолого-содержательным стержнем (основанием) для данного вида сравнения также выступают те или иные морально-нравственные, этические или эстетические категории (например, категория толерантности [«унижение достоинства человека либо группы лиц» (ст. 282 УК РФ)], прекрасного [«неизглядимое обезображивание лица» (ч. 1 ст. 111 УК РФ)] и т. д.), а в некоторых случаях и морально-правовые категории и принципы (например, принцип гуманизма [«особая жестокость» (к примеру, в п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ)] и т. д.). Сравнивая фактические характер проявления и степень выраженности состояния понятийно

означаемого объекта с подобного рода категориями, интерпретатор выявляет степень правозначимости морально-аксиологических отклонений от соответствующих стандартов (идеалов). От того, какой степенью юридической значимости (с точки зрения уголовного закона) обладает фактически выраженная форма проявления (конкретное состояние) объекта зависит отнесение содеянного к тому или иному преступлению либо к малозначительному деянию (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Наряду с этим закономерно возникает вопрос: по какой причине для обозначенных оценочных понятий необходимо определять степень морально-содержательной деривации (отклонения), а не соответствия? Поскольку, как отмечалось ранее, преступление всегда претупает через нормы морали и нравственности, нарушает их, то, соответственно, возникает необходимость установить степень отклонения конкретного поведения лица от общепринятых стандартов (идеалов). Вместе с тем конституирующие оценочное понятие слова указывают на характер морально-нравственной, этической и (или) эстетической ценности и в то же время на обобщённую (но содержательно определяемую внеправовыми основаниями оценки) степень деривации от названных ценностей, которым должны соответствовать фактические данные, характеризующие такое понятие.

Таким образом, обозначенные виды интерпретационного сравнения морально-аксиологических оценочных понятий позволяют детализировать характер познания содержательно-аксиологической стороны данных понятий. Между тем при выявлении степени деривации и, в особенности, степени соответствия интерпретатор обязан соизмерять получаемые результаты интерпретации не только с принципами и нормативно-функциональной системой уголовного закона, но также с общими представлениями о праве, правовыми категориями, ценностями и т. п.

Вывод

Исходя из изложенного, необходимо заключить, что в системе толкования уголовно-правовых оценочных понятий нормы морали и основывающиеся на них моральные убеждения выполняют следующие основные функции:

1. Формирование аксиолого-прагматической (ценностно-деятельностной) системы мышления интерпретатора. Позволяет субъекту познания в ходе толкования задать интенцию (центрировать своё внимание) не только на «букве и духе» закона, но также и на общепринятой системе морально-нравственных

(в том числе коррелирующих им этических и эстетических) норм и ценностей).

2. Выражение взаимосвязи моральных категорий и процесса толкования оценочных понятий. Данное выражение осуществляется посредством не только законодательного требования к прежде всего справедливому (ст. 6 УК РФ) и гуманному (ст. 7 УК РФ) применению уголовного закона, но и семантической необходимостью, которая обусловлена неотъемлемостью морально-нравственного компонента от толкования (что в особенности характерно для морально-аксиологических оценочных понятий, непосредственно определяемых только через названный смыслоориентирующий компонент).

3. Опосредованное влияние на индивидуализацию назначаемого судом наказания. Поскольку в процессе судебного разбирательства суд (судья), производя оценку обстоятельств преступления (доказательств по уголовному делу) и определяя содержание оценочного понятия применительно к рассматриваемому случаю, так или иначе апеллирует к морально-нравственным (также этическим и эстетическим) категориям и собственным

моральным убеждениям, то, соответственно, такие убеждения и основания оценки непосредственно находят своё выражение в судебном акте (его описательно-мотивировочной части).

Заключение

В заключение следует отметить, что неотъемлемость морально-нравственного компонента от права в целом и процесса толкования уголовно-правовых оценочных понятий (причём не только морально-аксиологического характера) в частности подчёркивается семантической комплементарностью (смысловой взаимодополняемостью) права и морали; можно сказать, что генезис и функционирование правой материи неразрывно связаны с морально-нравственными элементами. Более того, благодаря морально-нравственным (в том числе этическим и эстетическим) нормам положения уголовного закона способны реализовываться на практике в справедливом и гуманистическом ключе, благоприятствующем исключению фактического проявления социально негативных факторов и их последствий (например, субъективизма, коррупции и т. д.).

Список литературы

1. Михайлов, А. Е. Мораль в законодательстве современной России: некоторые проблемы соотношения, тенденции и перспективы / А. Е. Михайлов // Правовая культура. — 2017. — № 2 (29). — С. 13–19.
2. Алексеев, С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 7. Философия права и теория права / С. С. Алексеев. — Москва : Статут, 2010. — 520 с.
3. Цыбулевская, О. И. Нравственные основания современного российского права / О. И. Цыбулевская ; под ред. Н. И. Матузова. — Саратов : ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. — 220 с.
4. Кашанина, Т. В. Основы российского права : учебник для вузов / Т. В. Кашанина, А. В. Кашанин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : НОРМА, 2003. — 784 с.
5. Джинджолия, Р. С. Проблемы систематизации оценочных категорий при квалификации преступлений против личности и назначении за них наказания (анализ теории и практики) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Джинджолия Рауль Сергеевич. — Рязань, 2005. — 436 с.

References

1. Mikhaylov, A. Ye. Moral v zakonodatelstve sovremennoy Rossii: nekotorye problemy sootnosheniya, tendentsii i perspektivy / A. Ye. Mikhaylov // Pravovaya kultura. — 2017. — № 2 (29). — S. 13–19.
2. Alekseev, S. S. Sobranie sochineniy. V 10 t. Tom 7. Filosofiya prava i teoriya prava / S. S. Alekseev. — Moskva : Statut, 2010. — 520 s.
3. Tsybulevskaya, O. I. Nravstvennyye osnovaniya sovremennogo rossiyskogo prava / O. I. Tsybulevskaya ; pod red. N. I. Matuzova. — Saratov : GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava», 2004. — 220 s.
4. Kashanina, T. V. Osnovy rossiyskogo prava : uchebnik dlya vuzov / T. V. Kashanina, A. V. Kashanin. — 3-e izd., pererab. i dop. — Moskva : NORMA, 2003. — 784 s.
5. Dzhindzholiya, R. S. Problemy sistematizatsii otsenochnykh kategoriy pri kvalifikatsii prestupleniy protiv lichnosti i naznachenii za nikh nakazaniya (analiz teorii i praktiki) : spetsialnost 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitelnoe pravo» : dis. ... d-ra yurid. nauk / Dzhindzholiya Raul Sergeevich. — Ryazan, 2005. — 436 s.

Дата поступления статьи: 06.04.2021.